

Лю Сюаньань не обратил на него внимания, глядя на Хуан Вансяна: «Люди у городских ворот — все, как я с братом, поверили, что, войдя в город, получают еду. Потому они и добрались сюда, из последних сил. Они хотят жить».

На лице Хуан Вансяна отразилась мука. Головная боль, копившаяся за дни бессонницы, нахлынула разом — он едва мог стоять.

Стоявший рядом поспешил его поддержать, а Юань Цзун, обнажив меч, указал на Лю Сюаньяна: «Смутьян! Сегодня, шпион ты или нет, жить тебе не придётся».

— И всё лишь за правду? — повысил голос Лю Сюаньань. — Я лекарь, моё дело — спасать. А вы, генерал Юань, военачальник, и ваша врождённая обязанность — тоже спасать. Почему же теперь, раз я хочу спасти людей, вы хотите меня убить?

Он говорил без страха и подобострастия, стоя прямо, руки за спиной, и в нём действительно было что-то от защитника народа. Хуан Вансян приказал: «Старый Юань, опусти меч!»

— Ваше Величество, не слушайте его вздор! — закричал Юань Цзун. — Не впускать беженцев — чтобы защитить горожан! Это не противоречит нашим изначальным заветам!

— «Не впускать беженцев, чтобы защитить горожан», — повторил Лю Сюаньань. — Генерал Юань, прислушайтесь к себе. Чем эти слова отличаются от речей чиновников Великой Янь? Чем Саньшуй отличается от городов вдоль Байхэ, что заперли ворота?

Юань Цзун, вне себя от ярости, уже уверился, что Лю Сюаньань подрывает боевой дух, и, не говоря ни слова, занёс меч для удара, но его остановили. Генерал Мяо Чанцин преградил путь: «Старый Юань, опомнись!»

Хуан Вансян тоже побагровел — от хаоса у стен, от вопросов Лю Сюаньяна и внезапной жестокости Юань Цзуна. В ушах звенело. Война уже на пороге, и это будет кровавая сеча. Независимо от исхода, потери будут чудовищны. Проиграют — всё кончено. Выиграют, пойдут на штурм Королевского города... а он едва ли сможет тогда воплотить свою мечту: «чтобы каждый имел пищу».

Юань Цзун уже отдавал громкие приказы — прогнать беженцев от стен, запереть ворота Саньшуй. Весть эта, точно бомба, породила новые вопли и мольбы. Как и говорил Лю Сюаньань, Саньшуй стал таким же, как города вдоль Байхэ, — ничем не лучше.

Размышляя об этом, Хуан Вансян, опираясь на стену, почувствовал в горле сладковатый привкус крови. Глаза его налились краснотой. — Старый Юань,пусти их.

— Ваше Величество! — воскликнул Юань Цзун. — Их личности не проверены! Как можно впускать? Армия Янь уже вырезала Цинъян! Неужели позволим им вырезать и Саньшуй?

— Откуда генералу Юаню известно, что Цинъян уничтожила именно армия Янь? — Лю Сюаньань встретился с ним взглядом. — Обе стороны в конфликте жаждут народной поддержки. Если Янь уже одержала верх, зачем им резня? Что она даст, кроме клейма жестокости и толп беженцев, бегущих к врагу?

— Лян Шу убил несчётно! Для него резня — не редкость! — кричал Юань Цзун. — Собаки-чиновники Янь — все поголовно негодяи! Ладно! Раз сегодня никто не видит в тебе шпиона, я пока пощажу. Через пару дней допрошу как следует! Эй, увести и заточить!

— Какими глазами вы видели, что Лян Шу «убил несчётно»? — не сдавался Лю Сюаньань, пока двое солдат тащили его прочь. — Одним «собака-чиновник» вы оправдываете бессмысленную резню? Кто был генералом, оставшимся в Цинъяне? Ваше Величество, вы действительно его знали?

Вопрос этот ледяной хваткой сжал сердце Хуан Вансяна. Не знал. Совсем не знал. Тогда он лишь услышал громкие речи, воспламенился, растрогался — и отдал тому целый город.

Юань Цзун шагнул вперёд:

— Ваше Величество, готовьтесь к битве!

Хуан Вансян вновь взглянул за стену: вдаль — броня конницы Янь, ближе — бегущие в панике беженцы.

Двое солдат, конвоируя Лю Сюаньаня, ускорили шаг, но повели не в темницу, а свернули в переулочек. Лю Сюаньань спросил:

— Зачем так спешили? Я бы ещё пару слов мог сказать.

Солдаты — переодетые братья Ван — ответили:

— Господин Лю, лучше не надо. Юань Цзун — словно бешеная собака, только рычит, никакой речи не внемлет.

— Я не с Юань Цзуном говорил, а с Хуан Вансяном, — сказал Лю Сюаньань. — Он не злодей. Возможно, стоило мне продолжить — и войны бы удалось избежать.

— Но все вокруг не дали бы вам говорить. Положение и так было опасным, — заметил Ван Фань. — Хуан Вансян хоть и зовётся предводителем, но не обладает безоговорочным авторитетом, как князь. У каждого тамошнего «генерала» — свои мысли. На мир или сдачу они не пойдут.

Лю Сюаньань остановился:

— Но мне казалось, я убедил его уже на восемь-девять десятых.

— Тогда он либо пойдёт в бой, опираясь на оставшуюся десятую часть решимости, либо... — начал Ван Фань.

Лю Сюаньань резко обернулся к стене.

Там как раз начинался переполох.

Хуан Вансян, схватившись за живот, пошатнулся и рухнул. Из-под пальцев сочилась кровь. Мяо Чанцин, поддерживая его, не верил глазам:

— Старый Юань, ты безумец!

Юань Цзун держал меч, с клинка которого капала кровь. Позади него стояли прочие генералы. Хотя иные выражали сомнение, никто не проронил ни слова.

Только что Хуан Вансян приказал впустить беженцев, Юань Цзун яростно противился. Хуан Вансян в гневе обнажил меч, стал его корить... В стычке клинок генерала вошёл в живот

нового императора. Умышленно ли, случайно ли — никто не разглядел. Да и не важно уже, ибо, кроме Мяо Чанцина, все выбрали сторону Юань Цзуна.

Они не понимали: шли от победы к победе, сейчас самый час идти на север — и вдруг государь словно с ума сошёл, ради каких-то беженцев рисковать. Знали бы раньше — лучше бы на трон посадили Юань Цзуна.

Хуан Вансяна унесли со стены.

В сумрачной комнате Лю Сюаньань перевязывал ему рану, пальцы в крови. Хуан Вансян прислушивался к шуму извне, потом, тяжело дыша, спросил:

— Резня... это и вправду мои люди?

— Да, — ответил Лю Сюаньань. — Я слышал от выживших. Когда армия Янь ворвалась в город, защитники не стали биться, а обратили мечи на народ. Сначала вырезали город, затем покончили с собой. Лишь проклятия выкрикнули: «В следующей жизни станем волками да тиграми». Больше никакого сопротивления. Жизнь они не ценили, но и отвага их была дикой и бессмысленной.

— Ты не лекарь, — прошептал Хуан Вансян.

— Я лекарь. Но не только лекарь, — надавил на рану Лю Сюаньань.

Из глаз Хуан Вансяна покатались мутные слёзы:

— Я ошибся.

— Жить неумоготу, хочется хлеба, истребить алчных чиновников — в этом нет ошибки, — сказал Лю Сюаньань. — Но есть вещи, которых не достичь одним лишь желанием. Общество, где у каждого есть еда, не под силу одному человеку или одной династии. Для этого нужны усилия десятков тысяч, миллионов людей.

— А мне не дано управлять миллионами, — прошептал Хуан Вансян. — И того дня мне не увидеть.

— Но кто-то обязательно увидит, — мягко сказал Лю Сюаньань. — Старший брат Хуан, всё, что ты сделал сегодня, даже если проиграл, даже если ошибся, — не бессмысленно. Это попытка. А история — она и есть из множества попыток сложена, что движут колесо времени вперёд.

Хуан Вансян смотрел на него, сухо усмехнулся:

— Спасибо, братец.

— Не за что, — ответил Лю Сюаньань.

Хуан Вансян окровавленной рукой с трудом ухватился за свой меч:

— Уходи. Возьми этот клинок. Начальник стражи у северо-западных ворот — мой человек. Узнает меч — пропустит. Старый Юань уже заподозрил тебя, здесь оставаться опасно. Уходя... возьми старого Мяо.

Едва он договорил, со двора донёсся гневный окрик Мяо Чанцина:

— Дерзость! Его Величество ещё здесь! Кто вас пустил?!

А-Нин вбежал с вестью:

— Брат, снаружи много людей. Говорят, вести нас в темницу.

Хуан Вансян, с трудом приподнявшись, рявкнул:

— Вон все!

<http://bllate.org/book/16268/1464425>